

Иоганн Даниель Шумахер и Библиотека Академии наук

Первая четверть XVIII в. в истории России – время величайших перемен и противоречий, заключающихся в полной невозможности моментальной переориентации русского народа на желаемый Петром I западноевропейский образец. Необходимость учиться всему, что прежде считалось еретическим, у иноверцев часто вызывала прямо противоположную реакцию населения, и, прежде всего, тех, кто обязан был выполнять это распоряжение царя. В то же время, отсутствие необходимых специалистов для ведения регулярной войны по европейским канонам и строительства нового города Санктпетербурга, соответствующего архитектурным нормам западноевропейских городов, заставляло обращаться к ученым в европейских странах с предложением о приезде в новый город для продолжения его строительства и насаждения западноевропейской науки и культуры.

К ученым переселенцам из Германии, которые прибыли в Россию по приглашению Петра Великого, относится также первый библиотекарь Библиотеки Его Величества в Петербурге и первый секретарь императорской Академии наук Иоганн-Даниель Шумахер, который провел при этих учреждениях всю свою сознательную жизнь.

В своей автобиографии или «Житии советника Шумахера» [1], написанном им самим по-немецки около 1742 г., т. е. в то время, когда он находился под следствием по доносу академических служителей, он сам подробно изложил события первых лет своей сознательной жизни. Он пишет: “Я родился в 1690 году в Эльзасском городе Колмаре и как скоро родители мои определили меня к наукам, то главное их попечение было к тому, чтоб научить меня добродетели и внушить любовь к благодеянию, тихости и умеренности, а напротив того отвращение и неприличного честолюбия. В 1711 году защищал я публично при Профессоре Бартенштейне ж тезисы метафизическая о Бозе, Мире и душе... В том же году произведен я был в Магистры, и от университета удостоен особливого по стихотворной науке преимущества. В конце того года Граф Лейнингской, призвавший меня к своему двору в Гартембурге, поручил мне воспитание своих детей. Потом когда я усмотрел, что недостает во мне еще многих вещей к учинению себя полезным в обществе, [то] оставил я [помянутой] двор в 1713 году и поехал во Францию. По прибытии моем в Париж получил я знакомство с господином Лефортом, который тогда был Российским министром во Франции. Он принял меня к себе секретарем, чтоб ехать с ним в Россию, куда мы в конце года отправились, и в сентябре 1714-го года в Санктпетербург прибыли” [2].

Известно, что названный «господин Лефорт», т. е. Пьер Лефорт, племянник близкого Петру I швейцарца Франца Яковлевича Лефорта, действовал за границей по приказанию русского царя, приглашая в Россию специалистов в разных научных областях.

В 1714 г. Шумахер прибыл в новую русскую столицу. Сам он излагает эти события следующим образом: «Спустя три недели по приезде моем, определен я был через посредство доктора Арескина, тогдашнего первого лейбмедика Его Имп. Вел., и Президента Медицинского факультета, в службу Его Имп. Вел. в должности Библиотекаря Его Величества и Секретаря Медицинской Канцелярии, ко иностранной экспедиции. С 1715 по 1717 год доктор Арескин ездил с Его Императорским Вел. в Голландию и во Францию. Во время его отлучения отправлял я порученные мне дела с такою верностию и исправностию, что он в отпущенном ко мне из Амстердама письме весьма мне благодарил, и по возвращении своем в Санктпетербург, увидевши библиотеку и Кунст-камеру расположенные мною с изрядным старанием, весьма рекомендовал меня государю императору Петру Великому» [3].

Почти одновременно Шумахер начал работать в Библиотеке Его Величества и в Кабинете редкостей. В 1718 г., после переезда этих учреждений в Киконы палаты, он

оставался в занимаемой должности. Видимо Шумахер не был любителем перемен, поскольку смерть Арескина он посчитал концом карьеры в России. «После его [Арескина] смерти в 1719 году просил я абшита, но господин Блюментрост, что ныне статским действительным советником, и которой тогда определен был на место доктора Арескина первым лейбмедикусом и директором библиотеки и кунсткамеры, не хотел меня отпустить, либо по тому приятству, которое он ко мне имел, либо для знания моего обо всем что в библиотеке и кунсткамере находилось, или больше для того, что секрет о сохранении анатомических препаратов, которой государь император Петр Великий у доктора Руйша вместе с его анатомическим кабинетом купил, в моих руках и того ради предложил мне весьма полезныя кондиции для удержания меня в службе Его Импер. Вел.» [4].

Отставка не была принята, но для решения личных дел Шумахер получил отпуск и отправился за границу. «Увидевши он [Блюментрост], что я своего намерения пременить не хотел, предложил он мне, чтоб вместо абшиту, взял на шесть месяцев позволение. Я на то согласился и подал к Его Импер. Величеству свое прошение, на которое Его Вел. не токмо всемилостивейше соизволил, но еще, сверх того, три комиссии мне поручил, а именно: 1) чтоб в Парижскую академию наук отвесть благодарительное Его Вел. письмо и новосочиненную карту Каспийского моря; 2) чтоб сыскать ученых людей которые бы желали определиться в службу Его Величества для корреспонденции, которую Его Величество намерен был содержать с помянутою академиею яко член оныя и 3) чтоб осмотреть как публичныя так и приватных людей библиотеки и кунсткамеры для лутчаго и умножения собственной Его Величества библиотеки и кунсткамеры, для которой Его Величество приказал особливые и изрядные палаты на Васильевском острову построить» [5].

Возвратившись в Петербург в 1722 г., Шумахер написал подробный отчет о своем путешествии, где дал обстоятельные ответы на все поставленные перед ним вопросы. Важным для Библиотеки, в которой Шумахер проработал всю свою сознательную жизнь, было приобретение книг и каталогов, а также знакомство с различными системами расстановки книг в западноевропейских библиотеках. Рапорт Шумахера был отправлен в русский лагерь под Азовом, где в это время находился Петр I. «Когда Его Вел., будучи в Персицком походе, уведомлен был о возвратном моем прибытии в Санктпетербург, то немедленно прислан был от Его Вел. к тогдашнему интенданту над строениями Ульяну Синявину собственноручной указ, чтоб в строении и украшении Кунсткамеры по моему указанию. Толикое было Сего монарха желание чтоб немедленно видеть в совершенстве то, что Он начал!

По прибытии Его Величества в Санктпетербург учинил я Его Величеству обстоятельный рапорт о моем пути...» [6].

В начале 1724 г., когда вопрос об открытии Санктпетербургской императорской академии наук был окончательно решен и даже составлен предварительный регламент, со всеми предполагаемыми служителями заключили контракты. Видимо, в это же время Петр I решил, что Шумахер будет ему полезен при вновь организуемой петербургской Академии наук. Так же, как и со всеми будущими ее членами, первый президент этого учреждения Л.Л. Блюментрост заключил с Шумахером контракт, по которому ему вменялось в обязанность, кроме работы в Библиотеке и Кунсткамере, заниматься при Академии секретарскими делами:

«По именному Е. И. В. указу, с библиотекарем Шумахером таков контракт сочинен:

Обязуется оный библиотекарь, Данило Шумахер, библиотеку и кунст-камору в своем правлении иметь, как в библиотеке, так и в кунст-каморе все порядочно содержать, в библиотеке книгам, а в кунст-каморе обретающимся разным вещам каталоги учредить; такожде, дондеже академия размножится, при оной секретарское дело править. А против того, по именному ж Е. И. В. указу, обещается оному библиотекарю, Даниел Шумахеру,

жалованье по осми сот рублей на год, которое давно будет вперед за год, как и прочим членам академии. Такожде квартиру, дрова и свечи свободныя давать сего 1724 году генваря с 1 числа [7].

В течение одиннадцати лет Шумахер состоял единственным хранителем фондов петровской общедоступной библиотеки и кабинета редкостей, которые в 1725 г. после открытия в Петербурге Академии наук стали одними из первых ее учреждений. Шумахер вошел в штат Академии первоначально в должности библиотекаря, а затем секретаря Академической канцелярии.

Единоличное управление Академией наук для Шумахера началось в 1728 г., когда императорский двор, а с ним лейб-медик императора Петра I и первый ее президент Л.Л. Блюментрост, переехали в Москву. Почти сразу же между двумя главными академическими учреждениям: собранием профессоров и адъюнктов – конференцией и канцелярией, возглавляемой Шумахером, вспыхнула борьба за приоритетное положение в Академии наук. Вопреки многочисленным протестам и доносам академиков и других служителей, Шумахер вплоть до 50-х гг. XVIII в. оставался во главе этого учреждения.

Недовольство единоличным правлением Шумахера во вверенном ему учреждении объяснялось не столько его злоупотреблениями, сколько противостоянием ученых профессоров Академии наук и начальником академической канцелярии, которое было вызвано целым рядом причин. Академия наук в своем уставе именовалась императорской, и все ее служители в табель о рангах включены не были. Следовательно, за небольшим исключением, они на государственной службе не состояли. Среди небольшого числа государственных служащих был и И.Д. Шумахер, начавший свою карьеру в должности секретаря Медицинской канцелярии – учреждения государственного, и получивший в 1737 г. звание Коллежского Советника.

Многие ученые, приехавшие в Петербург, не столько для служения Русскому государству, сколько для быстрого продвижения по службе, далеко не всегда получали желаемый результат, что невольно вызывало чувство зависти к более удачливому собрату, достигшему, по их мнению, без должных оснований высокого положения в обществе и безбедного существования.

Первым серьезным противником Шумахера при Академии был профессор Астрономии Ж.-Н. Делиль, которому трудно было подчиняться человеку, бывшему в его представлении невеждой: после приезда в Петербург Шумахер не занимался иными науками, кроме библиотечной. Именно Делиль в приветственной речи новому президенту барону Корфу указал на то, что члены академической конференции находятся в полной зависимости от канцелярии: «И что больше жалобы достойно, что оная Канцелярия неправедным образом взяла команду и над Академией наук и во всем определяет сама собою».

Однако узаконено было единоличное правление Шумахера в Академии наук именно президентом Корфом, о чем господин Советник и сообщает в своей автобиографии: «В 1733 году, когда бывшей в то время Президент [Академии] господин граф Кейзерлинг отправлен был Министром в Польшу, то он меня назначил в число тех, которым он поручил управление Академии. В 1734 году господин камергер Корф, тогда главным командиром в Академию, употребил меня к правлению канцелярских дел, и учинил в посланном в Кабинет [8] докладе весьма похвалил тех, которые прежде его были у правления Академии.

В 1737 году Импер. Анна в товарищи с награждением рангом Коллежского Советника. В 1738 году приказано было мне и господину Гольдбаху, что ныне действительным Штатским Советником, в Академии присутствовать и дела что и подписывать обще с Президентом. В 1739 году когда господин Камергер Корф поехал в Курляндию, правил я вместе с помянутым Советником Гольбахом Академию, по данной нам от него инструкции» [9].

Шумахер завел в Академической канцелярии точный учет всех входящих и исходящих бумаг: правительственные и императорские указов, распоряжений по Академии, донесений от ее сотрудников, всяческих договоров и расписок.

Постоянно испытывая денежные затруднения во вверенном ему учреждении, Шумахер был заинтересован в организации при Академии наук различных ремесленных и производственных мастерских, куда входили Гравировальная палата и типография, которые часто выполняли заказы со стороны, в том числе и императорского двора, и таким образом пополняли академическую казну. Академическая типография, организованная по распоряжению Шумахера, открылась в 1727 г., и в первой половине XVIII в. фактически она стала единственной в Петербурге и выполняла многие государственные и частные заказы на все виды издательских работ.

Главной заботой Шумахера были Библиотека и Кунсткамера, с которыми связано начало его карьеры в Петербурге. В начале 20-х гг. он неоднократно обращался с донесениями в сенат с просьбой позаботиться о реставрации помещения Кикиных палат и о необходимой починке крыши, поскольку во время дождей могли пострадать книги и экспонаты Кунсткамеры.

В письме от 10 марта 1724 г. к архитектору Трезини, в ведомстве которого находились петербургские дома, Шумахер пишет: «Понеже книги и куриозитеты от дождя, который везде сквозь кровлю проходит, в опасности находятся, и для того намерелись оную сделать и из академических денег заплатить»[10].

По донесению Шумахера 14 мая 1725 г. первый президент Академии наук Л.Л. Блюментрост подал рапорт в Сенат по поводу строительства нового здания для библиотеки и Кунсткамеры. В нем говорилось: «Понеже светлейшему правительствующему синоду определенное место для семинарии занято библиотекою и всякими куриозными вещами, а чтобы оныя вещи и впредь были расположены добре, того ради прилично, дабы на Васильевском острове новопостроенная и определенная библиотека совершена.

Блаженные памяти от Е. И. В. часто слыхал, что блаженные памяти царицы Параскевы Феодоровны дом, близ библиотеки, до академии придан, как меня и рисунки архитектора Трезина в сем мнении подтверждают. Того ради весьма потребно, чтоб сие дело во окончание привесть и помянутый дом довершить, и что принадлежит – пристроить: понеже библиотеке не можно в разстоянии быть от академии, для учительных людей, которым не меньшая нужда в книгах бывает, так как и мастеровым людем в инструментах» [11].

Одним из самых серьезных дел, совершенных в Библиотеке и Кунсткамере в начале 40-х гг. XVIII в., явилось составление и издание систематических каталогов обоих учреждений на латинском языке. Печатные каталоги Библиотеки и Кунсткамеры выходили в свет отдельными выпусками примерно в одно время – с 1741 по 1744 г. Всего выпущено 32 тетради, включившие более 15 тыс. томов.

Печатный каталог Библиотеки [12] получил название «Камерного каталога» из-за расположения материала соответственно книжной расстановке – по помещениям или камерам, и послужил основой для ревизии Библиотеки и Кунсткамеры, проведенной в 40-е гг. XVIII в.

Как и все прочие деяния Шумахера, «Камерный каталог» вызвал множество нареканий со стороны академических профессоров, и, прежде всего, Г.Ф. Миллера, которые полагали, что этот каталог не соответствует новейшим достижениям западноевропейской библиотечной науки. Однако схема (деление всей науки на четыре класса: богословие, юриспруденция, медицина и философия) согласовывалась с принятой в то время научной классификацией, а расположение материала соответствовало расстановке книг в Библиотеке. Поэтому использовать иную схему без полной перестановки книг было просто невозможно.

Следственное дело 1742-1744 гг., пожар Библиотеки и Кунсткамеры, переезд этих учреждений в новое помещение, хлопоты по восстановлению пострадавшего во время пожара здания – все это сыграло свою роль, но почти не сказалось на дальнейшей карьере Шумахера. В оценке его личности и деятельности не было единодушия. Благосклонно отзывались о нем составитель первого русского атласа И.К. Кириллов, историограф В.Н. Татищев и др.; противниками выступали академики Ж.-Н. Делиль, И. Вейтбрехт, Г.Ф. Миллер, М.В. Ломоносов и др.

Единовластие Шумахера в стенах Академии наук, Библиотеки и Кунсткамеры привело к тому, что в 1742 г. на него в Сенат был послан очередной донос. Поскольку в числе подписавших прошение был приближенный к Петру Великому токарь А.К. Нартов, результатом было возбуждение против Шумахера уголовного дела и его арест. Для разборки неурядиц между академиками и Шумахером Сенат образовал специальную следственную комиссию во главе с президентом Адмиралтейской коллегии Н.Ф. Головиным, вице-президентом Военной коллегии С.Л. Игнатьевым и президентом Коммерц-коллегии Б.Г. Юсуповым. Однако Шумахеру удалось полностью доказать свою невиновность, и в 1744 г. он вернулся к своим делам в Академии наук, получив за оскорбление достоинства повышение по службе: ему был присвоен чин статского советника.

Шумахер описывает эти события следующим образом: «Как в 1741 году господин Тайный Советник фон Бревер уволен от президентской должности в Академии, то я один правил академических дела по 7-е число октября 1742 года, в которой день я арестован был по ложным доносам некоторых бессовестных людей, ровно два месяца после того, как я распоряжение библиотеки и кунсткамеры к окончанию привел, над которою я трудился 28 лет, будучи к тому поощрен духом Петра Великого и оказанно ко мне особливою милостию императрицы Екатерина Алексеевна [13] блаженные и вечнодостойныя памяти. по поданным трем докладам от определенных для следствия надо мною членов, а именно, Адмирала Николая Федоровича Головина, тайного действительного Советника князя [14] Бориса Григорьевича Юсупова и господина генерала лейтенанта Степана Лукича Игантова которая через целой год и несколько месяцев с крайнею строгостию рассматривали мои поступки и дела в Академии, меня за невиннаго признали, Ея императорское Величество высочайшим своим письменным указом декабря в 5. день 1743 года повелела мне по прежнему быть у дел в Академии» [15].

Сенатским указом от 10 июня 1744 г. было предписано провести ревизию Библиотеки и Кунсткамеры. Поскольку академические профессора были категорически не согласны с присутствием при ревизии Шумахера и отказались от участия в проверке, проводимой под руководством асессора И.И. Мелиссино, работой занимались адъюнкт И.Ф. Брем и унтер-библиотекарь И.К. Тауберт под руководством асессора И. И. Мелиссино и библиотекаря Шумахера.

Ревизия Библиотеки и Кунсткамеры, проведенная в 40-х гг. XVIII в., показала, что за время своего существования (с 1714 г.) оба эти учреждения значительно выросли: с 2000 томов первоначального фонда библиотеки до 18 238 томов, – в 40-х гг.

Пожар 1747 г., во время которого пострадали не только книги, но и сгорел знаменитый Готторпский глобус, почти никак не сказался на карьере Шумахера. Он оставался при исполнении своих обязанностей вплоть до своей смерти в 1761 г., хотя после учреждения комиссии по надзору над работой библиотеки и Кунсткамеры в составе трех человек: Шумахера, Тауберта и Ломоносова, сам Шумахер почти перестал ходить в присутствие.

Примечания:

1. Рукопись перевода с немецкого оригинала, также хранящегося в Архиве РАН, написана двумя почерками. Все зачеркнутые фразы заменены соответственно другим вариантом текста, написанным другим почерком, видимо в более позднее время.

Исправления в тексте даются в прямых скобках, зачеркнутые фразы перечеркнуты. СПбФ ААН, ф. 3, оп. 1, № 795, л. 328-336.

2. СПбФ ААН, ф. 3, оп. 1, № 795, л. 328-329.
3. СПбФ ААН, ф. 3, оп. 1, № 795, л. 329-329 об.
4. Там же, л. 329 об.-330.
5. Там же, л. 330-330 об.
6. СПбФ ААН, ф. 3, оп. 1, № 795, л. 331 об.-332.
7. Материалы для истории Императорской Академии наук. – СПб.: тип. Акад. наук, 1885. Т. 1 (1716-1730). С. 14.
8. Кабинету.
9. СПбФ ААН, ф. 3, оп. 1, № 795, л. 334 об.-335.
10. Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1. С. 35.
11. То же. С. 110-111.
12. Bibliothecae Imp. Petropolitanae, р. 1-4. – [Petropoli, 1741-1744]. На тит. л. стоит 1742 г.
13. Отсюда и до конца 2-й почерк, которым раньше вносились исправления.
14. Под титлом.
15. СПбФ ААН, ф. 3, оп. 1, № 795, л. 335-335 об.